

За дверью внезапно распахнулась входная дверь, и Суй Фэн в чёрном одеянии холодным взглядом наблюдал, как Чай Цзыжань напился до бесчувствия. Внезапно Чай Цзыжань швырнул кувшин с вином, что держал в объятиях, и пьянящий аромат смешался с осколками керамики, усыпав всю опочивальню. Вокруг царил полный беспорядок. Чай Цзыжань, усмехаясь, поднял голову, взглянул на Мо Цзюцзюня, стоявшего в дверном проёме против света, и резко бросился к нему.

Мо Цзюцзюнь уже протянул руки, готовый принять его в объятия, но Чай Цзыжань вдруг свернул в сторону и ринулся к письменному столу. От слишком сильного размаха он ударился животом, и боль пронзила его. Сдерживая слёзы, он принялся лихорадочно рыться на столе, бормоча себе под нос: «Где же? Где оно? Где же оно?»

Покопавшись немного и не найдя желаемого, он схватился за голову и внезапно закричал: «Где оно?!»

Мо Цзюцзюнь нахмурился: «Что он ищет?»

Суй Фэн молча достал из-за пазухи сборник стихов и почтительно подал его Мо Цзюцзюню. Тот, даже не открывая, уже знал, что там за «интересное» содержание, и бросил книгу на стол. Чай Цзыжань, совершенно не замечая трёх живых людей рядом, увидел «внезапно материализовавшийся» сборник и, обрадовавшись, расхохотался: «Ха-ха-ха-ха, нашёл, нашёл, я нашёл его! Ха-ха-ха-ха!»

Немного побушевав, он принялся яростно «раздирать» сборник стихов, сквозь зубы бормоча: «Подлецы, подлецы, подлецы, вы все убийцы, вы все убийцы». Из глаз его скатились две прозрачные слезы, и он, прижав к груди истерзанную книгу, горестно зарыдал: «Папа, мама, не умирайте...» Затем вдруг снова швырнул сборник и даже топнул по нему несколько раз: «Мо Цзюцзюнь, ты такой же, как твой дядя, вы оба убийцы, у-у-у...»

Прослезившись с полминуты, он повалился на пол и замер без движения, словно мёртвый.

Трое, наблюдавших за его пьяными выходками, остолбенели. Суй Фэн взглянул на остолбеневшего господина Цзюцзюня и сказал: «Господин Цзыжань никогда не пьёт. Возможно, потому что знает: стоит ему опьянеть, как он начинает нести всякий вздор».

Спустя некоторое время Мо Цзюцзюнь наклонился, поднял Чай Цзыжаня и отнёс его на ложе, бросив: «Суй Фэн, присмотри за ним».

— Слушаюсь, — почтительно ответил Суй Фэн.

Мо Цзюцзюнь вышел из комнаты вместе с Суй Инем, крепко сжав кулаки. Внутри него бушевала буря: «Как думаешь, он не пьёт именно из-за этой своей болтливости?»

— Подчинённый не знает, — ответил Суй Инь.

Мо Цзюцзюнь помолчал мгновение, весь покрытый холодным потом: «Ночной допрос».

В тёмном зале суда зажгли колыхающиеся от сквозняка свечи. На возвышении восседал уездный начальник, по бокам выстроились два ряда грозных стражников, от каждого веяло смертельной серьёзностью. Измождённую женщину втащили в зал суда и швырнули на пол, словно ненужный хлам. Хотя её ещё даже не начали допрашивать, она уже казалась сильно постаревшей. Увидев восседающего с прямой спиной уездного начальника, она скривила губы, и в душе её поднялась такая обида, что захотелось плакать, но она не посмела.

Мо Цзюцзюнь громко ударил судейским молотком и спросил: «В каких ты отношениях с Чай Цзыжанем? Когда познакомились? По какой причине? Отвечай быстро».

Госпожа Сюй вздрогнула. Она продумала, как ответить на вопрос о своих связях с тем негодяем, но не ожидала, что уездный начальник спросит именно это. С трудом подняв голову, она попыталась по глазам судьи удостовериться, правильно ли расслышала. Взглянув на его лицо, она чуть не лишилась чувств от страха: тёмное, мрачное лицо уездного начальника при свете свечей походило на лик демона-забирателя душ. Пламя свечей на новом столе трепетало, и свет на его лице колыхался вместе с ними, словно блуждающие огоньки. Острые глаза метали два яростных луча, подобные лезвиям, способным казнить тысячу порезов.

Госпожа Сюй больше не смела смотреть по сторонам. Её и так прямо стоявшее на коленях тело выпрямилось ещё больше, спина уже промокла от холодного пота.

Мо Цзюцзюнь нетерпеливо бросил: «Говори».

Госпожа Сюй, едва дыша, ответила: «Отвечая вашему превосходительству, эта простолюдинка — местная жительница уезда Суюй, дом мой находится...»

Мо Цзюцзюнь нахмурился: «Где твой дом, меня не касается. Когда ты познакомилась с Ажанем?»

Услышав это, госпожа Сюй, если бы ещё не поняла, за какие грехи её постигла сия тюремная напасть, значит, зря прожила на свете больше двадцати лет. Честно ответила: «Эта простолюдинка — содержательница «Роши Опьяняющих Цветов». Господин Цзыжань, когда иногда навещает в уезд Суюй, захаживает ко мне в заведение. Поскольку бывал он часто, мы и познакомились». Заметив суровый и недобрый взгляд Мо Цзюцзюня, госпожа Сюй забеспокоилась и поспешила добавить: ««Роша Опьяняющих Цветов» — заведение честное, ресторан. Во всём уезде Суюй лишь «Терем Хуахуа» является непотребным местом, все остальные — честные торговцы».

Взгляд Мо Цзюцзюня метнулся, он тихо повторил: ««Терем Хуахуа»...»

Госпожа Сюй, видя его выражение лица, невольно почувствовала беспокойство за «Терем Хуахуа».

Мо Цзюцзюнь молча уставился на неё: «Продолжай».

Госпожа Сюй склонила голову: «Моя «Роша Опьяняющих Цветов» — семейный ресторан, передающийся уже в третьем поколении. Самое наше искусное блюдо — кушанья, приготовленные на вине. Яства обладают винным ароматом, но не опьяняют. Как раз подходят для таких гостей, как господин Цзыжань, любящих под вином изливать душу. Обычно, если у них на сердце тяжесть, они не пьют, а любят приходиться в мою «Рошу Опьяняющих Цветов» поесть. Потому дела у меня всегда шли неплохо».

«Позже кто-то открыл рядом с моей «Рошей Опьяняющих Цветов» винную лавку. Тот человек хотел продавать мне вино по высокой цене для готовки, но где уж мне, разве я дура? Однако оказался тот человек подлецом: увидев, что я не желаю с ним сотрудничать, пристал ко мне и даже стал похабничать. Я уже не раз обращалась с ним в суд, но прежний уездный начальник говорил, что раз он ещё не причинил мне вреда, то по закону сейчас вынести приговор нельзя. Я запаниковала: если однажды он всё же причинит вред...» Госпожа Сюй не сдержалась и проронила несколько слёз, но, увидев, как лицо Мо Цзюцзюня при свете свечей становится всё мрачнее, поспешила их вытереть.

Мо Цзюцзюнь после паузы спросил: «Ажань... напивался когда-нибудь?»

Госпожа Сюй ответила: «В кушаньях моей «Рощи Опьяняющих Цветов» хотя и есть винный аромат, но опьянить они не могут. Что же до того, напивался ли господин Цзыжань в других местах, этой простолюдинке неведомо».

Мо Цзюцзюнь приподнял бровь: «Откуда ты знаешь, что Ажань под вином изливает душу?»

— Сам господин Цзыжань говорил. Приходя в мою лавку, он хвалил, что кушанья в «Роще Опьяняющих Цветов» вкусные, и, поедая их, чувствуешь себя будто выпил, однако голова остаётся ясной. Ещё он рассказывал, что в детстве был маленьким пропойцей, часто тайком пил вино с одним малым по имени Ацзюнь. Когда их ловили, он пытался свалить вину на того, но у него так ни разу и не вышло.

Мо Цзюцзюнь, поигрывая судейским молотком, с видом полного безразличия спросил: «А потом?»

— Простолюдинка не знает.

Мо Цзюцзюнь откинулся широкой спиной на спинку кресла и замер, словно заснул — и уже никогда не проснётся. Сердце госпожи Сюй колотилось, словно боевой барабан. Спустя некоторое время Мо Цзюцзюнь изрёк: «Изгнать этого бесстыжего типа за пределы города Суюй. Запретить ему когда-либо ступить сюда вновь».

Госпожа Сюй остолбенело смотрела, как Мо Цзюцзюнь поднялся и шаг за шагом приблизился к ней. Сердце у неё в горле чуть не выпрыгнуло наружу, когда она услышала: «Не приближайся слишком близко к Ажаню».

Госпожа Сюй закивала, словно толкла воду в ступе: «Отныне и впредь эта простолюдинка будет держаться от господина Цзыжаня на расстоянии десяти шагов».

Мо Цзюцзюнь хмыкнул и первым вышел из зала суда. За ним последовала внушительная толпа стражников, растворившись в кромешной тьме ночи. Госпожа Сюй провела рукой по вспотевшему лбу и обмякла, рухнув на пол. Прежде она лишь смеялась, слушая жалобы Чай Цзыжаня на то, как надоедливы и докучливы поклонники его невесты. Теперь же она воистину познала горечь Чай Цзыжаня! Да, в тысячу раз горше полыни!

Совершенно незаслуженная напасть!

На следующий день, едва забрезжил рассвет, Чай Цзыжань впервые поднялся рано — но это было непривычно рано, и голова раскалывалась от боли. Суй Фэн поднёс ему чашу с отваром от похмелья. Чай Цзыжань взял её, сделал несколько глотков и похвалил: «Юань Хан, твоё мастерство растёт!» Лизнув уголки губ, добавил: «Недурно, недурно!»

Суй Фэн скромно ответил: «Благодарю за похвалу, господин Цзыжань. Но я — Суй Фэн, не Юань Хан».

Чай Цзыжань, держа чашу с отваром, в недоумении поднял голову, увидел лицо с двумя ямочками на щеках и в ужасе воскликнул: «Ты... ты... как ты здесь оказался?» Тут же вспомнил, что Юань Хан, дабы улизнуть из волчьих лап Мо Цзюцзюня, уже несколько дней как умчался обратно в столицу.

Суй Фэн мягко ответил: «Я увидел, что господин Цзыжань опьянел, и приготовил вам отвар от

похмелья».

Чай Цзыжань протянул ему чашу, укутался в одеяло и спросил: «Когда ты заметил, что я пьян? Я что-нибудь говорил в пьяном виде? Ты не слышал ничего... странного?»

<http://bllate.org/book/15931/1423888>